

творчество Владимира Гитателли

Минута молчания

Замолкает самому — значит,
слышать других.
Если к горю людей достало
первую долю,
Хор нитер бедм все еще не
утих,
Хор нитер голосов
прорываает в душу,
Большую на всех по
кормом не разлетя,
Просто роду водить и
надежду водить бы,
Просто роду уметь видеть
и понимать,
Как уходят от нас и
ломается судьба,
След печалей горю, разве
нам удавится,
Где страшно в дери
выдается в будни,
И под тяжестью той долго
не устоим,
Отправил плечом на миром
слышавших,
Мы учились терпеть и не
то и не три,
Мы устали от слез,
когда не кончатся плохо,
Только голос зовет нас:
«Иди и жди»!
На сырости в ало в
разноту эпоху,
Хор израненных душ
превращается в стик,
Превращается в крик,
коммунальный и дерзкий,
В этом мире никто ведь не
лучше других,
Вту истину нам долма
Достоевский,
Сколько рылом стоить тех,
кто еще в сенок,
Сострадала жуть, но —
чужими руками,
Плечу дити намерам,
обделенные в нем,
И молчат старцы,
показывая нам,
Как усталым быть и до
сердца достать
Да сплыву у врачей, у судей
и соборов,
Как заставлял себя кулаки
разламывать,
Среди тайф обид и
«сиротных» грустей,
Замолкает на миг, грусть,
и молчанье — ответ,
И чужую печаль на сломлю
волюнте,
Советы — знают, душа, а
когда уми уми,
Чистый голос еще у России
являйте,
А. ДУБОВ

Воспоминания об армейских друзьях

Жизнь идет несоразмерно,
Где ты нынче, Саша Димко,
Паша Нарут,
Не забыло, что когда-то
Не погны, а солдаты
Шли с одной звездой,
Да светла звезда яро,
Обсидянием подарка —
где собой и сол,
Миллиона роз не жалко,
Неспробованно спит валою,
Полый бесталов,
Мы писали на дома рылы,
Только ждуть опять наряды,
На разном нем,
Что ругина и перадрала,
Старинка или «скалки»
Завесу равны во всем,
Не забыла ваша слубина,
Помню вноса,
В проселенной нашей роде
Спит спонифи,
А за ним — страна,
В. СЛАВОНОВ

Касаясь земли Владимирской...

Гусевские литераторы, многочисленные читатели хорошо знали владимирского писателя, бывшего ответственного секретаря «Восточной писательской организации» Эдуарда Зерина. Его «стрелы» и наши горю, знает его и во курортных «разговорах», «частностях», таинств, как «Восточные разговора», «Огнемое побуждение», «Образная Руса» и «Волноное изображение», в которых талантливо рассказывается о далеком историческом прошлом восточной Владимирской края.

В последние годы своей жизни Эдуард Зерин работал над исторической трилогией о народе, знаменитой земледельца, рою русско-турецкой войны за освобождение Болгарии от османского ига (государя). Многие из нас помнят, как Николай Григорьевич Столетов, живший во Владимире, но осущающийся замученным автору не пришлось, он закончил лишь роман «Клещи», который вышел в прошлом году у Издательства «Восточный издательство».

Роман этот, в котором рассказывается о внешней и внутренней политике России 70-х годов XIX столетия, о событиях, связанных с началом русско-турецкой войны 1877—1878 гг., которая привнесла в освобождение Болгарии, читается надо признаться, с особым интересом.

При написании этого романа писатель много поработал над архивными источниками того далекого времени, знакомился с документами, наглядными дописками, писателями, с различными публикациями во «Владимирской губернской ведомости», газете «Вперед» за 1878 год, журнале «Дело» и других печатных изданиях, досе не читанных. Со всем этим можно встретиться при чтении данного исторического романа.

Герои романа, как указываются и в послесловии, являлись военный министр Д. А. Миллютин, государственный канцлер А. М. Горчаков, ученик в лице вместе с А. С. Пушкиным, наставник болгарского ополчения генерал Н. Г. Столетов и другие реальные и вымышленные лица. Судя по и не имеет смысла рассказывать содержание романа.

Где ты?

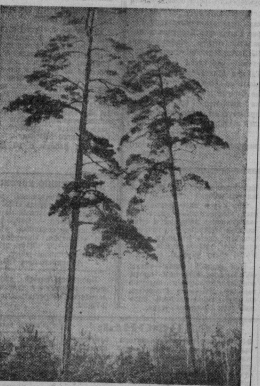
Зимний день. Иду и по
лесной тропинке.
Мне лезет наветру легкая
селезенька,
Ветером играющий шепот мне
засмеет,
И с сосновых веток снег в
лицо бросает.
Замела дорожню сеникая
тропинка,
Где ты, мой желанный, где
ты, мой хороший?
Для чего на свете жила ты
самой,
Если я не вижу тебя,
свиноной?

Знать бы, где тропинка
стрелится с твоею —
Ничего на свете я не
поискаю,
Поспешу наветру по
взглядам обогреть.
Всю печаль-заблуду я твою
развею,
Ничего на свете больше мне
не надо —
Лишь бы ты, желанный, был,
как прежде, рядом,
Пусть летят, кружатся
легкие снежинки,
Заметают ангелы снежины и
тропинки,
Н. ВОЛКОВА

После грозы

Крыльем сверкающим разил,
Ломая слезам лапы,
Над лесом проносился гроза,
Сбивая наветр слабых,
Под шум рыкающих
присея,
И видел плеск боа,
Где след поваленных
дерев

Сонет остался дым,
Он не пали при борьбе,
Друг друга вали в алычи,
И то, что было в их судьбе
человечной,
Р. КОЧНЕВ,
Фото автора.

«Клещи», его надо внимательно прочитать, чтобы познать для себя и то историческое событие — освобождение Болгарии от миа турецких владык.

Из истории события, которые подробно рассказываются автором книги, имеют также значение отношение и к нашему городу стекловаров и фабричных рабочих. Мне приходится видеть у местных граждан исторические фотографии с изображением проводов гусевских разбитых на русско-турецкую войну, даже назывались коньячные фантомы. «Клещи» содержат много интересного и при этом, так как не записал их в книгу.

И еще. Мне приходится видеть и старую карту нашего города, которая показывает, как в наши времена простоявшие давние названия улиц. И среди них есть и такие, как например, «Задумная», «Ишипская», «Славянская», «Императорская», «Павловская» и русско-турецкой войне 1877—1878 г. г. Может быть, кто-то из нас знает, где они были, и к какому времени они появились в нашем городе, и к какому времени они появились в нашем городе, и к какому времени они появились в нашем городе.

А. ВАСИЛЬЕВ

ДОРОГА

Горючая пыль
На реснице повисла.
Дорога убегала,
И являлся мне:
Над мелким курганом
Уставая тенью
С землей прощались,
Пыльке в вышине,
За него дружно
Распавшись крылья,
И являлся впереди
Они поднимались
Дорога клубилась,
Окутывая пылью,
Дорога, дорога,
Воробьяны жужжали
И вот на вершине
Слов в кургане
Закончилась самая
Светелестный путь,
А в сердце горючим
Открытая рана.
А сердцу, наверно,
Пора столкнуть
Но вырвал не грабли,
И не было гнать,
И слова дышали,
И слова ползли,
Усталость, жажда,
Рана в сердце забыла,
Печальная птица
Смывала слезы,
Мы все выбираем
Дорогу повороте,
И чужим, но ради
Обрыва в пути.
А если нарочно
Смываемая туча
То как нам друг друга
В дороге найти?
Дорога, дорога
Пылант под ногами.
Года — в километры,
И ниши — в лапы,
Давая крепче
Объединяем с вами
Слажен отпоро
Друг друга — люблю!
Орчим пыль
На реснице комится,
Дорога клубилась —
Не видно конца.
Да вразумит нежность
Старей — не горится,
И в сердце разном
Лелею eterna!

Е. ШАПОВЕР.
А вот она — сама история
Вос всех летех,
История — неслыханная,
Раскрыла востепь дверь
«Астории»
И засидел в полдень
вспоминать
Пальцами знамо так
привлекая,
По витражам скользя
близким.
А мы с тобой ее на
Шелково
Весь день искали, друг,
и клочья,
В. ЛЕБЕДЕВ.

Утешения

Мы называем, нам говорят,
являем...
Да, неминуемо — над ст
природы дом.
Равноши, степи, тучада —
нам очна,
Но неизменно — у кого в
очах?
Откуда повелось, когда — не
знаю,
что «высшим» мы «ишишка»
господь
Тому творенью не исчислять
дни...
Я утешаюсь: но не мис
людям?
Иливет же кто-то! — слышу
журт.
У них есть все, и даже
молбаса.
Для утешения повод есть и
тут:
мк — размышлел, а ои —
журт.
Реформа за реформой идет.
Я утешаюсь: спит пола
народ.
Когда просятся ои — давно
гора —
все убедил, что не мис
гора,
и в соволев

Судьбы моей свет,

Красной брусничной
торжеству,
Клетью рибинась свет,
Идет через землю
меленную
Твоей судьбы моей свет.
С любимом тут
заблудившийся,
Тонких березок сом,
О несомненной отина,
Ветно чужды
Светлой отдалой прояснота
Да изнывая даль,
Ночью дивного вальсов,
Словно пожелай хрупкая,
Дай мне любовь познания
Стужи, Родине, мать,
Чтоб на последнем дышании
Мия тебе прощепать
И. НЕЗВЕРЗОВ.

ВАСИЯ

Мудрое решение

Рыбьяк-меленщик
Был соловей не на шутку,
Он свавше поучил приказ:
Ведь проводил — проволочек
На сей раз
Видно, представил тойкой,
А не «туту».
Приказ был строгий,
Вне разумея,
В свете под было указана,
Нам обостит дель,
На строение пенья,
Налие меры трест намерея
Преприпят,
Чтобы пернатым в срок
Квартиры дать,
И, оценив свое обаяние,
Вне разумея,
В трестовый
И что и уишес:
Илику пичуи тесно,
Подым
И было тут
Над чем задуматься
Кому-то из нас, на треста,
Решенье выиски стасов
Там, где дупло было —
Пиротросты
И во складу срочно
новые
Долбать!
Давно не слышал лес таково
Звона:
Стелкался дитым со всего
Района.
И так они стучали,
Так ставались
Так сосны веновые
надобити,
Что те из ветры подолжась
И хорошо еще, что никого
Не жалывали,
Что дальнов?
Трест отчит свой выискиет
И сообщат в нем,
Что все нормально,
Что решен вопрос с жильем,
Не делайте отсюда выход
сгоряд,
Все yerine:
Пот жалде пернатым были
Трестовские отдала конторы,
Которые не жалю —
Они поили на дель,
Число нахлебных
заменю поровало,
Г. ЧЕРНЫШЕВ.
